

ТАНЦУЮЩИЕ В ТЕМНОТЕ

Ольга Фукс

Фото: Сергей Петров

У

спешный и в творческом, и в коммерческом смысле Театр Наций, позволяющий себе приглашать и театральных звёзд, и режиссёров с мировой известностью (Томас Остермайер, Робер Лепаж, в будущем Роберт Уилсон), сознательно развивает и совершенно иное направление – социальное. Причём в обоих случаях, о которых пойдёт речь, театр не боится рисковать и предлагает сотрудничество самым сложным партнёрам. Оба спектакля зародились в формате лабораторий, и теперь «Бросить легко» вошёл в репертуар Театра Наций, а премьера «Прикасаемых» обещана в марте 2015 года. Постановщиком и того, и другого спектакля стал режиссёр «Практики» и Театра.doc Руслан Маликов (драматург Марина Крапивина) – так работа с социальной проблематикой сегодняшнего времени требует логического продолжения и выхода из замкнутого мира театра в жизнь.

СПЕКТАКЛЬ ВМЕСТО ЛОМКИ
«Бросить легко» – коллаж из шести реальных историй наркозависимых людей в их собственном исполнении. В принципе, каждый наркозависимый, придя в реабилитационный центр, многократно рассказывает свою исто-

рию, делится страхами – выговаривает, «вымывает» из себя зависимость. Спектакль идёт в полутьме, актёры в одежде кислотных светящихся цветов, у девушек – такой же ядовитый макияж. Наверное, так выглядит реальность в героиневом дурмане. Из декораций только беговая дорожка, с которой рассказывает о себе тот или иной персонаж: дорожка – атрибут оздоровительных центров, она же символ бессмысленной и бесконечной гонки на месте – бегства от себя и от своих страхов. Речь, спрессованная в плотную массу, превращается в один поток, в котором всплывают слова «вмазаться». И вроде бы детали и подробности у каждого разные, но суть одна: недолюбленный, одинокий, потерянный подросток (социальный статус не имеет значения) встречает кого-то, кто вместе с дружбой или любовью протягивает ему наркотик.

В конце спектакля персонажи, играющие самих себя, представляются публике: фамилия, имя, сколько лет употреблял наркотики, сколько времени лечился, как долго продержался без них (пока период возвращения к жизни гораздо короче наркотического плена), как видит свою дальнейшую жизнь (большинство стремится в актёры, кто-то уже учится на гранты в Институте телевидения и радиовещания). С тех пор как выпустили спектакль, сорвались двое (их истории теперь исполняют профессиональные актёры): одна девушка прошла повторную

Фото: Сергей Петров

*Ледыдуктивать
простолюдя
блицы ствозро
вклагос ленивно
любым солять
печатес перфекты
можнсло
послойтель.*

Фото: Сергей Петров

реабилитацию и даже ждёт ребенка, другой вообще не выходит на связь. Но по статистике полностью отказываются от наркотиков в лучшем случае процентов тридцать, а значит, у этой маленькой труппы куда более высокий показатель. По крайней мере, пока.

АПЛОДИСМЕНТЫ КАБЛУКОВ

«Прикасаемые» – слепоглухие. Уже в фойе, перед показом эскиза в рамках фестиваля «Территория», можно было наблюдать пары держащихся за руку людей. Один «говорил» пальцами и одновременно мимикой, а его собеседник (или собеседница) отвечал – гладко и грамотно, но с той особенной интонацией, которая отличает людей, никогда не слышавших себя, других, музыки, щебета птиц, шума дождя и пр. и пр. Вокруг таких пар толпились журналисты с камерами, одна из них рассказывала, как выпускает журнал. В сущности, так же общаются через переводчика иностранцы, и в какой-то момент очень хочется заговорить на незнакомом языке. С той только разницей, что без переводчика, без общения со зрячеслышащими люди без слуха и зрения замыкаются, впадают в депрессию и буквально угасают.

И наоборот, вовремя протянутая рука, на которой весь мир слов, или книжка со шрифтом Брайля – творят чудеса. Так, Александр Суворов (прототип профессора – героя «Прикасаемых»), потерявший в детстве зрение и слух, стал участником уникального эксперимента, в результате которого четверо слепоглухонемых людей смогли получить высшее образование на психологическом факультете МГУ. Поэт, педагог, профессор кафедры педагогической антропологии Университета Российской академии образования, он создал немало научных работ, одна из которых называется «Школа взаимной человечности». До шестнадцати лет юный Алексей не страдал от своих недугов – были бы книги. Даже родственники, приглашая его в гости и пытаясь общаться, через некоторое время оставляли его с книжкой и фруктами. Но в 16-летнем возрасте Суворов в очередной раз выслушал окончательный приговор – и сорвался в бездну отчаяния. В спектакле профессора играет Егор Бероев, а сам профессор играет на губной гармошке свою мелодию.

Ингеборге Дапкунайте досталась другая знаменитость из сообщества

слепоглухих – писатель, поэт, психолог, общественный деятель, актриса Ирина Поволоцкая. Играет в повязке на глазах, как и все здоровые артисты, добровольно приняв на себя ограничения по зрению. Главное – дойти до качелей, ориентируясь ступнями по выпуклым разметкам на полу. Разметки, как пути Господни, неисповедимы – можно пройти мимо друг друга, лишь почувствовав дуновение, а можно столкнуться и со своей судьбой: в этом закрытом мире есть и свои истории любви.

Кстати, о качелях. Работа над спектаклем началась в Загорском детском доме-интернате, где учат слепоглухих детей. Там очень много качелей – нигде такого нет. Слепоглухие дети качаются на них часами – ветер в лицо, быстрота движения без оглядки на препятствия возвращают им веру в себя.

За первый месяц работы над спектаклем проблема общения между слепоглухими и зрячеслышащими быстро превратилась из ментальной в техническую – побыстрее бы научиться говорить хотя бы с помощью тактильной азбуки. Маликов признаётся, что за этот месяц стал лучше считывать на лице мимику и жесты. Как и в прошлом спектакле. режиссёр, оттолкнувшись от конкретной проблемы – дефицит общения обделённых людей, который превращается в атрофию общения, – увидел её же в мире зрячеслышащих (если вдуматься, тоже диагноз). И такой же дефицит живого общения, прикосновений, общих тем. А без них расстояние между здоровыми и обделёнными станет ещё больше. Вот, например, девочка Алёна и её мама. Мама рассказывает о медленном погружении в кошмар: в младенчестве проворонили глухоту, а через несколько лет дочь стала терять глаза. Отслаивалась сетчатка, врачи оперировали и разводили руками, мать умоляла спасти хоть какое-то зрение... А девочка Алёна вспоминает самолёт, море, экскурсии. Да-да, эти люди страсть как любят экскурсии!

Можно долго рассуждать о том, где «кончается искусство, и дышат почва и судьба», о том, является такой вид театра художественным произведением или это род терапии. Характерно, что сами создатели подобными вопросами не задаются. Привлечь бы лишний раз к их проблемам наше слепоглухое, хоть и зрячевидящее общество. Ведь даже дисплеи Брейля, с помощью которых такие люди могут пользоваться Интернетом, стоят у нас очень дорого, а те четверо получивших высшее образование людей, среди которых был профессор Суворов, так и остались единственными – удачный эксперимент был свернут, и тысячи людей потеряли надежду получить профессию, достойную своего интеллекта. Вытащить бы из скорлупы одиночества нескольких человек. И станцевать наконец вальс, чтобы на поклонах ощутить под ногами нешуточную дрожь – аплодисменты зрительских каблучков.

Фото: Сергей Петров

DANCING IN THE DARK

Olga Foux

S

Successful in terms of creativity and profitability Theatre of Nations, able to invite stares of the stage and globally acclaimed directors (Thomas Ostermeier, Robert Lepage, and Robert Wilson to be invited in the future) consciously develops an alternative, socially-oriented repertoire. And in both cases, which will be discussed further, the theatre is not afraid of taking risks of cooperation with rather controversial partners.

Both productions were originally conceived as workshops, but today *Quitting is Easy* is part of the Theatre of Nations' repertoire, and the premiere of *The Touchable* is scheduled for March 2015. Both productions were directed by the director of *The Practice and Theatre.doc* (Teatr.doc), Ruslan Malikov (playwright – Marina Krapivina), because social problems of our time require a logical continuation and transition from the self-contained world of theatre in public life.

A PLAY INSTEAD OF A HANGOVER
Quitting is Easy is a collage of six autobiographic stories of drug addicts, who play themselves on the stage. Basically, each

addict, having come to the rehabilitation centre, repeatedly tells his/her story, shares his/her fears – talks out, and “washes away” his/her addiction.

The play is performed in semi-darkness; the actors are dressed in the clothing of acid luminous colours, and the girls have a matching violent colour makeup. Probably, this is how they see the world when they are high after the use of heroin. The scenic design includes only a treadmill that every character gets on to tell about himself: the treadmill is an attribute of health centres, but it is also a symbol of the senseless and endless stationary race to escape from yourself and your fears.

Speech, compressed into a dense mass, transforms into a single stream, where the word “to mainline” pops up now and then. It seems that the details and circumstances of the story differ from character to character, but the essence is the same: under-loved, lonely, and lost teenager (the social status does not matter) meets someone who, along with friendship or love, hands him drugs.

At the end of the play the actors, who play themselves, introduce themselves to the audience: they state their names, the number of years of drug abuse, the length of the treatment, how long he/she was able to abstain from drugs (so far the period of return to normal life is much shorter than the period of drug captivity), how he/she sees his future life (most of them seek to become actors; some of them already study at the Institute of Television and Radio

*Ледыдуکتивать
простооздафя
блицы ствозро
вклагос ленивно
лобым солять
печатес перфекты
можнсло
послойтель.*

Broadcasting; their tuition is covered by grants).

Since the launch of the production, only two of the actors have slipped back into old habits (their parts are now played by professional actors): one girl went through another rehabilitation and now is expecting a child; the other actor is out of touch. But according to statistics, only thirty percent of drug abusers completely abandon drugs, at best, which means that this little troupe has a much higher rate of recovery, at least, for now.

APPLAUDING WITH THE HEELS

The Touchable is about deafblind. While still in the lobby, before the presentation of the sketch, being part of the festival “Territory”, you could see couples holding each other by the hand.

One “talked” with his fingers and facial expressions and his companion responded smoothly and competently, but with that special tone that distinguishes people who have never heard themselves, others, the music, the chirping of birds, the sounds of pounding rain, etc., etc. These couples were surrounded by reporters with cameras. One couple was telling how they publish a magazine.

Ultimately, foreigners communicate through an interpreter in the same manner and at some point get an urge to speak that unknown language, with that exception, though, that without an interpreter, without communication with healthy people, deafblind become unsociable, depressed and literally fade away.

Conversely, a helping hand, received at a proper time, which holds a whole world of words or a Braille book, can work miracles. This is how Alexander Suvorov (prototype of the professors – the protagonist of The Touchable), who had lost vision and hearing when still a child, became a participant of a unique experiment, in which four of the deafblind people were able to get a higher education at the Department of Psychology at the Moscow State University.

A poet, teacher, and Professor of the Department of Educational Anthropology at the University of the Russian Academy of Education, he wrote many scientific papers, including the School of Interdependent Humanity. Alexei had not suffered from his ailments, as long as there were books around till he reached 16. Even his relatives, having invited him for a visit and trying to communicate with him, would leave him with a book and fruits in a while.

But at the age of 16, Suvorov once again heard the final verdict and sank into an abyss of despair. In the production, Egor Beroev stars as the professor and the professor plays the harmonica to his own tune.

Ingeborga Dapkunaite cast to play another celebrity from the deafblind community – a writer, poet, psychologist, social activist, and actress Irina Povolotskaya. Having accepted a voluntary visual restriction as well as other healthy artists, she plays her part in a blindfold. The main task is to get to the swings, feeling the convex bumps on the floor with feet. The bumps, as the ways of God, are inscrutable – you can walk past each other and feel just a very slight movement of air, but you may encounter your significant other. This self-contained world can tell its own love stories.

Speaking of swings. The work on the production began in Zagorsk at the orphanage for deafblind children. There are a lot of swings there – nowhere else will you see so many of them. Deafblind children swing on them for hours – wind in their faces and fast motion without a fear of obstacles builds their confidence.

During the first month of work on the production, the problem of communication between deafblind and healthy quickly transformed from mental to technical – everybody wanted to swiftly learn to speak at least using the sign language alphabet. Malikov admits that during this month he learned to better read facial expression and gestures of passersbys. The same as in the previous play, the director, once having identified a specific problem – lack of communication suffered by disadvantaged people, which results in the atrophy of communication – pin points the same problem in the world of healthy individuals (if you think about it, it is also sort of a diagnosis).

There is a similar shortage of live communication, touch, and common topics. Lack of them will only widen the gap between the healthy and disadvantaged.

Take, for example, a little girl Alena and her mum. The mum tells the story of slow immersion into a nightmare: in infancy the signs of deafness were not identified in time and a few years later her daughter started losing her eyesight. Her retina was detaching and doctors kept operating and shrugging their shoulders when the mother begged to save at least some vision... Alena remembers an aircraft, the sea, and excursion. Yes, these people have a passion for excursions!

We can argue for a long time about where the “art ends, giving a way to soil and destiny,” whether this kind of theatrical production can be considered an artwork or rather a kind of therapy. It’s noteworthy, though, that the production creators do not pay much attention to such issues. They are more concerned with the problem of trying to at least one more time draw attention of our healthy, but spiritually deafblind society to their problems.

Braille displays, which help such people use the Internet, are very expensive here, and those four people, who graduated from college, including Professor Suvorov, are the only lucky ones – the successful experiment was terminated and thousands of people have lost hope to get an occupation worthy of their intellect.

It would be nice to pull out of the shell of loneliness at least several people, wouldn’t it? To dance waltz at last and, at the closing of the play, to feel severe shaking of the floor under the “applauding heels.”